

Горгона в иконографии Афины: к проблеме происхождения и семантики мотива

Дувакин Евгений Николаевич

студент

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров, Россия

E-mail: evg-duvakin@yandex.ru

Павсаний при описании статуи Афины Парфенос упоминает следующую деталь: на груди у богини была изображена голова Медузы Горгоны (I. 24. 7). В Аттике она являлась таким же существенным атрибутом Афины, как и олива (Аппельрот, 1896, с. 176). Изображения маски Медузы на доспехах Паллады довольно часто встречаются в вазописи и мелкой пластике, многочисленны соответствующие упоминания в источниках (Hom. II. V. 741; Apollod. Bibl. II. 4. 3; Verg. Aen. II. 616 etc.). Как атрибут Афины, голова Горгоны присутствует на аттических дидрахмах и тетрадрахмах серии *Warrenmünzen*, а также на ольвийских ассах первой половины V в. до н. э.

Л. Преллер считал маску Медузы символом небесных ужасов и бурь, которыми повелевает Афина (Preller, 1872, S. 159). Подобного мнения придерживался и В.Г. Аппельрот (1896, с. 177). Впоследствии наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой Горгона – alter ego хтонической Афины (Лосев, 1999, с. 244, 252; Luyster, 1965, p. 157-163). Маска Медузы на доспехах богини в таком случае рассматривается как свидетельство утверждения олимпийского пантеона: Афина убивает свою «горгоническую» сущность, а своеобразным олицетворением этих перемен является голова Медузы на эгиде. Достаточно хорошо аргументированная, эта точка зрения вызывает, тем не менее, некоторые вопросы.

Прежде всего, такая постановка проблемы предполагает изначальное тождество обоих персонажей, некий цельный образ, а, следовательно, и греческое либо догреческое происхождение Горгоны. Между тем начало массового употребления изображений Медузы в искусстве греков относится к VII в. до н. э., то есть к эпохе ориентализирующего стиля. К. Хопкинс на обширном материале попытался установить ассирийские истоки мифа о Персее и Горгоне (Hopkins, 1934, p. 341-358). В дальнейшем эта работа подверглась критическому анализу некоторых исследователей, который показал, что возведение всего сюжетного повествования к ассирийским источникам вряд ли правомерно и, по меньшей мере, требует дополнительных доказательств (Howe, 1954, p. 216-218; Croon, 1955, p. 12-13). В то же время восточное происхождение отдельных мотивов данного мифа так и не было опровергнуто. Не может считаться полностью доказанным и тезис об исключительно греческих корнях образа Горгоны.

Признание былого тождества Афины и Медузы означало бы признание культа богини источником мотива Горгоны. Однако, начиная с VII-VI вв. до н. э., изображения Медузы присутствуют на десятках типов вещей, надгробных стелах и фронтонах храмов, при этом все они зачастую никоим образом не связаны с Афиной. Дж. Х. Крун в одной из своих работ высказал гипотезу, согласно которой маски Горгоны использовались на ряде островов Эгейского моря, в частности на Серифосе, во время обрядовых действий поблизости горячих подземных источников, при этом Горгона в таких местах отнюдь не ассоциировалась с Афиной (Croon, 1955, p. 9-16). В гомеровском эпосе, наряду с упоминанием горгонейона на эгиде Зевса и Афины, голова Горгоны появляется как совершенно самостоятельный, независимый от Афины и Персея образ (Od. XI. 632-635).

Изложенные факты позволяют предположить, что иконография Афины была таким же объектом для восприятия мотива Горгоны, как, к примеру, и вазопись (в первую очередь, имеется в виду появление одиночных изображений головы Горгоны на киликах и скифосах), и надгробные стелы. Более того, семантика этих изображений, как на доспехах богини, так и на различных предметах, на мой взгляд, должна изучаться не изолированно, а в системе. Иными словами, исследование указанного мотива в иконографии Афины не может происходить в отрыве от других его использований.

Хорошо известна апотропеическая семантика маски Медузы. Однако понимается она, как правило, несколько упрощённо. Так, если речь заходит об изображениях головы Горгоны на погребальных памятниках, то говорится исключительно об охране умершего от каких-либо врагов. Между тем представляется более вероятной многофункциональность данного оберега. Приведу небольшой пример. В «Одиссее» Горгона фактически выполняет роль сторожа на границе двух миров в эпизоде, в котором главный герой отправляется в Аид, чтобы спросить душу пророка Тиресия. Одиссей останавливается у входа в царство мёртвых и вызывает души умерших, после чего происходит беседа с некоторыми из них. Далее Одиссей поспешно возвращается на свой корабль, опасаясь встречи с головой Горгоны (Hom. Od. XI. 632-640). Но страх перед ней испытывают и души усопших, они поднимают «крик несказанный». Умершие нарушили границу, пересекли рубеж между двумя мирами, который поручено охранять Горгоне. Она не только защищает души усопших, но и не выпускает их из Аида.

Характерной чертой культа Афины являлось её почитание в качестве Девы. Статус невесты – девушки, готовой к браку – тесно связан с оппозицией «сакральное / профанное». Сакральное, заключённое как в богине-деве, так и в других объектах, по своей природе амбивалентно: оно может быть не только благодетельным, но и опасным (Кайуа, 2003, с. 143 слл.). Первая черта может проявляться в придании богине ряда качеств, например плодородия, которое непосредственно связано со статусом Афины. Для девушки, готовой к браку, особое значение имеет способность к деторождению, не менее важен и тот факт, что ей предстояло играть существенную роль в земледельческих обрядах. По мнению греков, именно женщина наиболее подходила для совершения этих ритуалов (Нильссон, 1998, с. 36).

Нередко одиночные изображения головы Горгоны встречаются на чёрнолаковой керамике – в частности, на стенках глубоких чаш-скифосов (Freyer-Schauenburg, 1970, S. 1-27). Представления о сосуде как сосредоточии жизненной силы были довольно распространены в древности. Примечательно, что семантика сосуда, чаши близка семантике девственной девушки (Фрейденберг, 1997, с. 198-199).

Сакральное, заключённое в богине-деве, сосуде, храме или погребальном памятнике, необходимо было не только охранять от внешних опасностей, но и сдерживать внутри этих объектов, контролировать и не дать ему растратиться. Маска Медузы как оберег выполняет, вероятно, следующие функции: защита объекта и отгон опасности; воздействие на охраняемый объект (которое выражается в сохранении сакрального внутри объекта, а также, возможно, в придании ему новых свойств). Голова Горгоны, по-видимому, выполняла и опознавательную функцию, играла роль своеобразного маркера. Изображения маски Медузы на доспехах Афины свидетельствовали о статусе богини, о том, что она – Парфенос.

Литература

1. Аппельрот В.Г. (1896) Афина в мифологии и искусстве // Гимназия. Ревель. № 5-7.
2. Кайуа Р. (2003) Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ.
3. Лосев А.Ф. (1999) Афина Паллада // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя.
4. Нильссон М. (1998) Греческая народная религия. СПб.: Алетейя.
5. Фрейденберг О.М. (1997) Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт.
6. Croon J.H. (1955) The Mask of the Underworld Daemon – Some Remarks on the Perseus-Gorgon Story // Journal of Hellenic Studies. Vol. 75.
7. Freyer-Schauenburg B. (1970) Gorgoneion-Skyphoi // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts und Archäologischer Anzeiger. Berlin. Bd. 85.
8. Hopcins C. (1934) Assyrian Elements in the Perseus-Gorgon Story // AJA. Vol. 38. № 3.
9. Howe T.Ph. (1954) The Origin and Function of the Gorgon-Head // AJA. Vol. 58. № 3.
10. Luyster R. (1965) Symbolic Elements in the Cult of Athena // History of Religions. № 5.
11. Preller L. (1872) Griechische Mythologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. Bd. 1.